

Михаил Калашников

Обрывки памяти

7 июня 1915
Восемь месяцев и семь дней
в плену в руках немцев

Возвращаюсь к своей семье.
Получу ли снова свою семью-вопрос

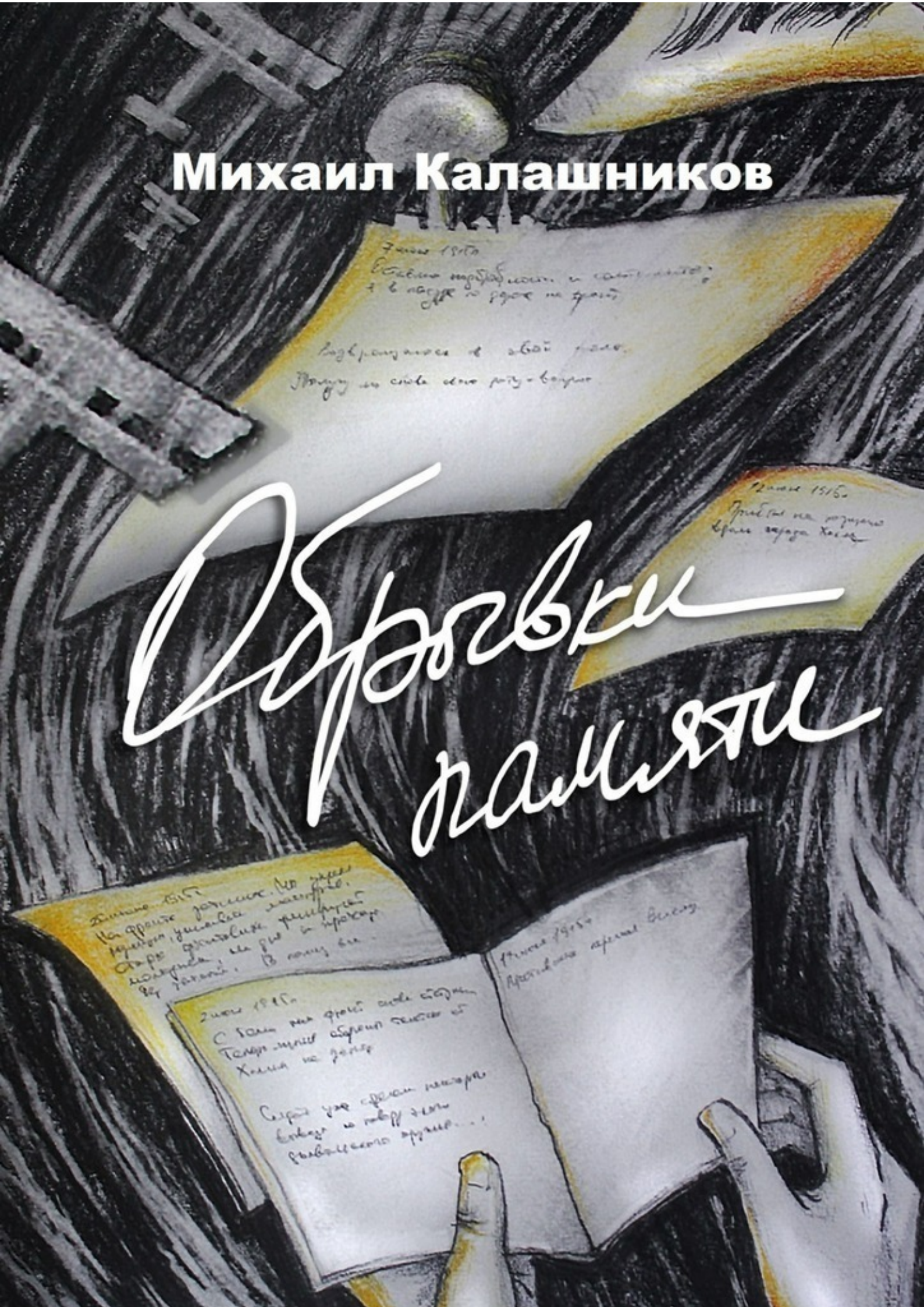
12 июня 1915
Привет на родину
всем людям России

21 июня 1915
На fronte родится. Но через
три дня, ушел в плен.
Старые друзья, друзья
моя семья, не где в плену
еще живы. В плену же.

2 июля 1915
С Вами мы фронт все обрели
Теперь лишь обрели счастье в
Хлеба на фронт

Скоро уже с вами некому
встретиться и тогда кто
счастливейшего друга...

11 июля 1915
Привет всем друзьям

Михаил Калашников

**Обрывки памяти.
Рассказы о войне**

«Издательские решения»

Калашников М.

Обрывки памяти. Рассказы о войне / М. Калашников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830954-0

В книге представлены рассказы о людях, кому выпало таскать серую шинель за последние сто лет, от начала Первой мировой до южноосетинского конфликта. Львиная доля внимания уделена Великой Отечественной, а также «эху войны». Тема войны всегда актуальна, даже казалось бы в относительно мирное и спокойное время и уж конечно сегодня, когда война принимает различные скрытые формы вроде информационной или экономической.

ISBN 978-5-44-830954-0

© Калашников М.
© Издательские решения

Содержание

Три вопроса	6
Молитва	14
Неглубокий тыл	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Обрывки памяти
Рассказы о войне
Михаил Калашников

© Михаил Калашников, 2016

ISBN 978-5-4483-0954-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Три вопроса

В мотоциклетную коляску грузили пустые ведра под ягоду, чугунный пятилитровый котелок для кулеша и ингредиенты, чтобы его приготовить. Витя крутился здесь же и скорее мешался, чем помогал отцу и дяде Захару. На него уже не раз кричали, отгоняли в сторону, советовали сбегать и попрощаться с Юркой, его соседом, ровесником и товарищем. Но Витя не мог и на шаг отойти от снаряжаемого в поездку мотоцикла. Еще бы, такое событие! Его берут с собой на ягоду!

Отец Вити со своим коллегой по работе, дядей Захаром, ежегодно выезжали на два-три дня за ягодой. Они любовались Забайкальской природой, слушали птиц, разбивали лагерь с палаткой, жгли ночью костер и готовили на нем пищу, глазели на звездное небо и травили истории. Витя уже несколько лет просился с отцом, но тот все время говорил ему, что Витя еще мал. Этой весной Вите исполнилось двенадцать, и отец счел, что мальчика пора брать с собой.

Витина мама, а вслед за ней и бабушка, принялись кутать его в старую отцовскую фуфайку, путь был дальним, и женщины переживали за здоровье своего питомца. Витя же выкручивался, указывал на отца, который собирался ехать в одной летней рубаше и черных рабочих штанах. Появился отец, буркнул Вите: «Делай че мать велит, а то дома останешься», и Витя закутанный погрузился в люльку мотоцикла.

Отец присел на корточки рядом с мотоциклом, пошевелил руками в его организме, несколько раз прыгнул на заводной лапке и механизм ожил. Кивнув дяде Захару, чтобы тот садился на заднее сиденье, небрежно обнял мать одной рукой, и что-то коротко сказал ей в самое ухо. Отец натянул на руки трехпалые перчатки с широкими раструбами, взялся за руль и понес мотоцикл по улице.

Витя гордился отцом. Соседи считали его самым удачливым рыбаком на их улице, отец разбирался в плотницком ремесле, к отцу часто приезжали люди за советом аж с другого конца поселка, и ни одно крупное дело не начиналось у всей Витиной родни без присутствия в нем отца.

– Ну, что, Витек, – наклонился с заднего сиденья дядя Захар над Витиной головой, – рад, что с нами поехал?

– А то нет? – сиял Витя, предвкушая путь к ягодным местам, которые знал только отец с дядей Захаром, никому не выдававшие их.

Правда добраться туда удалось только во второй половине дня, и Витя, вылезая из люльки, почувствовал, как затекли его чресла. Мальчик тут же побежал к кустам, так как в пути отец ни разу не остановился. Дядя Захар закурил папиросу и разглядывал пологий склон, спускавшийся меж двух скалистых отрогов к реке, знакомый ему по прошлым годам. Ближе к реке, почти у самой кромки воды, росли одиночные кедры. Берег реки был усеян мелким камнем, а на другой стороне виднелись крупные валуны и меж ними тоже торчали редкие деревья.

– Вот, Витюха, где вода весной в реку бежала, – сказал отец, доставая из коляски посуду под ягоды. – Хош, на корточки становись, хош – на колени, и чеши. Только не прямо спускайся, а «елочкой». Уступами.

– Зигзагами, – подсказывал дядя Захар.

– Как напал на поляну, – продолжил отец, – так и не минуй ее, пока всю не выберешь. К вечеру у реки будем. Переночуем там, а завтра – на новое место.

Отец и дядя Захар разошлись в стороны метров на двадцать и сели в глубокую траву, так, что видны остались лишь их головы. Витя тоже сел в траву и разгреб ее руками. Среди стеблей показались недозрелые, с зеленцой, ягоды. Были они величиной с ноготь отцовского большого пальца, иные и того больше.

– А зеленые рвать? – громко спросил Витя.

– Рви, в ведре дозреют, – услышал он ответ. – Только шибко мелкую не трогай, пусть наливается.

– Гляди внимательней, Витек! – прокричал дядя Захар с другой стороны. – Я в прошлом годе, тут меж травы шашку беляковскую нашел.

– За дурака держишь, дядя Захар, – не поверил мальчик.

– Батька твой не даст сбрехать.

Витя поднялся на ноги и отыскал глазами отца, а тот, почувствовав на себе сыновний взгляд, молча кивнул.

– А почему знаешь, что беляковская? – сторая от любопытства, спросил мальчик.

– Ты как будто не знаешь, кто в наших краях воевал? Колчак со своим войском золотопогонным.

– А как же ты ее увидел?

– Да, траву раздвинул, гляжу – железка блестящая из земли торчит. Я давай траву рвать, да землю руками грести.

– Что ж ее, выходит, закопал кто?

– Может и так бросил. Только она, почитай, за сорок лет вся в землю ушла, травой заросла.

– И где она теперь у тебя?

– В сарае валяется, между сетями гдей-то. Она ведь проржавела вся, так что и из ножен нейдет. В керосине отмочить пытался, да так до ума и не довел.

– Подари ее мне, дядя Захар! Мы с отцом сделаем.

– Витька! – появился из высокой травы отец. – Не имей моды клянчить!

– А что, может и подарю, как вернемся, – ответил дядя Захар.

Поначалу Витя отправлял в рот пригоршню самых красных ягод и пока пережевывал их, успевал две-три горсти высыпать в свое ведро. Но скоро, так он наелся этих ягод, что лишь изредка и нехотя забрасывал одну, и долго смаковал ее.

Когда они все втроем спустились к реке, у отца и дяди Захара были почти полные ведра, а у Вити лишь наполовину. Отец отправился вверх по склону за мотоциклом, дядя Захар пошел выбирать место для палатки и лагеря, а Вите было дано задание собирать дрова для костра. Парень подошел к одиноко стоявшему кедру и набрал у его подножья охапку сухих сучьев. Дядя Захар нашел место их с отцом прошлогодней стоянки и замахал руками:

– Михалыч, давай сюда!

Отец, не заводя мотоцикл, снял его со скорости и тихо спустился по склону вниз. Первым делом мужчины развели костер, и повесили над огнем котелок, наполненный чистой речной водой. Затем установили палатку и приготовили все для ночлега. Дядя Захар выложил из рюкзака завернутый в газету кусок сала, мешочек пшена, две луковицы и несколько картошек. Почистив овощи и ополоснув их в реке, он порезал их у себя в ладони, совсем не нуждаясь в разделочной доске.

Кулеш доваривался, когда уже совсем стемнело. Отец снял палку, на которой висел котелок, с рогаток, подложил в огонь пару кедровых сучьев и повесил на рогатки перекладину с закопченными старым чайником. Дядя Захар насыпая в миски кулеш, сказал:

– Вот, Витек, пятый год сюда с батькой твоим приезжаем, а раньше ведь не могли.

– Почему? – законно удивился мальчик.

– Нельзя было. Лагерь тут недалеко был для заключенных. Закрытая зона. Они на прииске золото добывали.

– А теперь?

– Теперь гражданские на прииске работают. Лагерь убрали.

– А заключенных куда же?

– У которых срок кончился – тех домой, а которым еще чалиться – тех по другим лагерям.
– Выходит, раньше больше заключенных было, раз теперь лагеря сокращать стали? – пытался разобраться мальчик.

– Выходит так, – соглашался дядя Захар. – Видать человек исправляться стал. Меньше паскудничает.

– А то ты, Захар, не знаешь, отчего лагерь ликвидировали? – усмехнулся отец.

– Ладно, Михалыч, мальцу-то про это пока зачем знать? Вырастит – сам разберется, да поймет чего надо.

Витя не стал выпытывать у взрослых, чего такого он должен будет понять с возрастом и в чем разобраться. Он уже доел свой кулеш и, перевернувшись на спину, смотрел на звездное небо. В реке хлопнула хвостом крупная рыбина. На том берегу зашумела ночная птица. Темень, напуганная кругом света, что отбрасывал костер, таила в себе загадку. Витя представил, как много еще всего на земле. Таких же склонов и рек, что сейчас рядом с ним. И есть еще большие горы и озера, моря и океаны.

– Бать, а ты море хоть раз видел? – спросил вдруг мальчик.

– Видел, сынок, – ответил тот небрежно, тоже перевернувшись на спину.

– А где? Когда?

– Да на фронте когда был... в сорок втором... после госпиталя...

Дядя Захар что-то сказал Вите в поддержку морской темы, и они живо заспорили. А Витин отец вспомнил, как его и других бойцов, из числа выздоравливающих, набрали в зенитную команду на один из сторожевых кораблей Черноморского флота. Стояли последние числа июня. Госпиталь, в котором он лежал, срочно эвакуировали: тяжелых перевозили куда-то; а почти выздоровевших и оправившихся от ран, отправляли снова на передовую. Поговаривали, что это делается не просто так. Где-то совсем рядом, в паре десятков километров от их госпиталя, в предгорном санатории, тоже переделанном под госпиталь, местные вырезали ночью всех раненых и медперсонал. Солдат из сводного отряда НКВД, который вот уже два дня прочесывает всю лесистую округу и горные аулы, видел кто-то и из его палаты.

Севастополь в те дни держался из последних сил. Во флоте тоже были крупные потери. В Новороссийске оборудовали несколько рыбацких ботиков крупнокалиберными пулеметами, тем самым, переделав их под какое-то подобие сторожевиков. С конвоем из двух легких крейсеров, небольшой транспортный караван, повез к осажденному городу боеприпасы и продовольствие. В небе над Черным морем хозяйничали «самолеты с крестами». На пути к Севастополю, на дно пошли несколько ботиков. Но посудине, на которой был боец Литвинов (а именно эту фамилию носил Витя и его отец), повезло. Лишь пару раз его обдало волной, от разорвавшихся близко от борта бомб.

Над городом-героем, добывшим себе славу еще при царе, висело стойкое облако из пыли, пороховой гари и дыма пожарищ. Враг не давал покоя своей осадной артиллерии, а та, в свою очередь, вгрызалась в бетон советских дзотов и бронеклопков, крошила каменные склоны, опоясывавшие главную базу Черноморского флота. Что оставляли от людей эти монстры германской промышленности, сказать трудно. Немалая часть оборонявшихся проклинала Круппа и все его потомство на многие поколения вперед. «Вот чертов Крупп! Батьку моего угробил в первую германскую, и меня хочет!» – слышалось среди защитников крепости. Даже те, что еще оставались живы, были близки к помешательству. Севастополь – единственный город, на который упало артиллерийских снарядов больше чем пуль из стрелкового оружия.

К Северной бухте уже вышли немцы, и конвой из Новороссийска подошел к небольшой пристани, сколоченной на днях в Камышовой бухте. Она была уставлена носилками с ранеными. Кажется, транспорты тут уже давно ждали. Но эти самые носилки, сейчас мешали разгрузить судна от боеприпасов и питания. Люди, отряженные в разгрузочные команды, чертыхаясь, переступали через раненых, ослабевшие, они роняли ящики с патронами и часто

падали сами, тревожа раны своих соратников. Видя это, командир ботика, крикнул Литвинову с мостика:

– Собери свой расчет и расчет Соловьева! Живо на берег! Начинайте забивать трюм покалеченными. Берите тех, что ближе к нашей шхуне!

Литвинов с другими пулеметчиками сошел на берег. Взяв первые попавшиеся носилки, они с напарником потащили их на ботик. За рукав его схватила медсестра в замаслившейся на воротнике и манжетах гимнастерке.

– Мне с ранеными надо! – сказала она.

– Ничего не знаю! – ответил коротко Литвинов. – К капитану.

– Ну, как же? – настаивала та. – Солдатам уход нужен...

– К капитану, – оставался неумолим Литвинов.

Медсестра шмыгнула по трапу мимо часового к капитанской рубке. Защитники Севастополя стали бросать ящики с боезапасом тут же на пристани и хватать носилки с ранеными.

– Этих не пускать! – прокричал капитан, прервав свою беседу с медсестрой. – Сейчас набьются в трюм, попробуй их тогда в темноте отличи раненого от целого!

Матрос у трапа преградил путь первой паре севастопольцев с носилками. Тот, что шагал головным, опустил носилки на трап и взялся руками за ствол автомата, что был направлен на него. Уперев ствол себе в грудь, он сказал часовому матросу:

– Стреляй, браток. Я уже год воюю. Одессу защищал, тут с самой осени. Никак меня пуля не сыщет. Стреляй! Хоть может полегшает мне...

Матрос с автоматом явно растерялся, а с пристани уже кричали:

– Ну, кто там стопорит? Пусти его, флотский! Поимей совесть! Мы тока раненых погрузить и тут же назад!

– Литвинов! К пулемету! – раздалось с капитанского мостика.

Литвинов опустил очередные носилки на палубу и кинулся к месту своего боевого расчета. А солдат на трапе уже рвал гимнастерку на груди.

– Шкурники! По себе судите?! Да мы только товарищей погрузить! Помочь же вам, чтоб вы быстрее отсюда!

На пристани заклацали затворы.

– Сволочь ты, капитан! – слышалось оттуда. – У самих, чем стрелять найдется! Только мы по своим не стреляем, мы больше в немца привыкли! Дай товарищей погрузить! А пулеметом своим не пугай! И не такие видали!

Тут и Литвинов подумал: чем же еще можно испугать этих людей? Капитан, толи озадаченный ответным лязганьем оружия, толи отрезвленный речами защитников города, махнул рукой часовому, мол, «можно». Остался ли кто-нибудь из невредимых солдат в трюме вместе с ранеными ни капитан, ни бойцы из его команды проверять не решились.

На обратном пути самолетов с черными крестами было еще больше. Роями кружились они над поредевшим конвоем, заходили в пике, разрушая своими сиренами людскую психику. Конвой окончательно рассеялся. Ботики и шхуны теперь шли курсом на Новороссийск поодиночке. В расчете у Соловьева не осталось ни одного патрона, а у Литвинова из пулемета торчало охвостье последней ленты. Раненые на палубе стонали и бредили, некоторых рвало.

– Соловьев смени Литвинова! – приказал капитан, когда последний самолет скрылся за облаками. – Литвинов глянь в трюм, как там обстановка.

Откинув крышку, Литвинов заглянул во чрево ботика. Где-то ниже ватерлинии явно образовалась течь. Раненые плавали в забортной воде, разбавленной их кровью, рвотой и мочой, перемешанной с гнойными бинтами и кусками разбухшей ваты...

– Бать! – вернул Литвинова из забытья голос его сына. – Дядя Захар опять сочиняет.

– Чего там? – рассеянно спросил отец.

– Говорит, что трое суток однажды не спал! Человек разве может столько, бать?

– Может, Витюха.

– И у тебя бывало?

– Угу.

– Тоже на войне, небось? – допытывался Витя, в душе радуясь, что отец не хуже дяди Захара, что и он может не спать трое суток.

– Ага. На первом годе.

– Потом, наверное, целую неделю отсыпался?

– Не. Полчаса прикорнул всего.

– А потом опять в бой?

– Хых, какой шустрый. Не в бой – в отступление.

Снова на Литвинова нахлынули воспоминания. Увидел он, как со стороны: свою роту; себя девятнадцатилетнего; деревню под Вязьмой, где они оборону держали. В ту пору, на их участок фронта из тыла пригнали ополченцев. Собрали в Подмоскovie гражданских служащих, свели в батальоны и роты. Обмундирования выдать им не успели, так и ходили они в кепок да пальто по передовой. Правда, вооружением худо-бедно снабдили, но не всех. Нескольким десяткам винтовок не хватило. Для них откуда-то из провинциального музея привезли экспонаты. Вот и стояли они в строю, кто с пистолетом из дуэльного набора, кто с кавалерийской шашкой времен Отечественной войны восьмьсот двенадцатого года, а кто с кремниевым ружьем.

Когда началась вражеская атака, когда танки прошли через их правый фланг и ринулись уютжить позиции полковой артиллерии, когда вслед за танками показались цепи немецкой пехоты, Литвинов даже не посмотрел, кто дергал его за плечо и кричал в самое ухо: «Пошли, слышь? Пошли, чего сидишь?». А может и не дергал вовсе никто и не кричал. Может просто из-за того, что видел Литвинов, как один за другим выскакивают из окопа его однополчане и бегут, может потому и он побежал. Солдаты из роты Литвинова добежали до второй линии окопов, туда, где оборону держали те самые, кое-как вооруженные, ополченцы, прыгали в их окопы, становясь плечом к плечу с ними. Солдаты и ополченцы врезали по врагу залповым огнем. Где-то заговорил еще уцелевший «максим». Вражеские силуэты в касках залегли. Иные достигли окопов переднего рубежа и укрылись в них. Но там где прошли их танки, уже стрекотали автоматы, уже прочесывали траншеею ополченцев, двигаясь по ее дну вдоль фронта, их солдаты. На Литвинова навалился какой-то ополченец в коричневом пиджаке.

– Справа напирают! – крикнул он, скрываясь за поворотом укрытия.

Едва Литвинов успел встать на ноги и повернуться туда, откуда явился ополченец, его вжала в стенку траншеи целая группа убегающих солдат, а чуть дальше, за поворотом, уже мелькали над ходом сообщения макушки чужих темных касок, так близко, что прямо, не верилось. Литвинов запрыгнул на край траншеи и хотел дать деру в сторону тылов, но чья-то рука ухватила его за шкуру и сдернула вниз.

– Куда дура?! – крикнул ему боец с полуседыми усами. Видимо ему принадлежала рука, сдернувшая Литвинова на дно траншеи. – На голом месте быстрее уложат!

Литвинов побежал по окопу вслед за другими, но в это время вражеская цепь, что до этого пряталась в их передней линии, преодолела пространство, разделявшее эти два рубежа советской обороны. На голову Литвинову свалился немец и опрокинул его. Враг занес над поверженным русским солдатом свой карабин, с примкнутым широким штыком, но в ту же секунду на его шлем обрушился музейный кистень, принадлежавший лет триста тому назад какому-то волжскому ушкуйнику. Раздался резкий звон, но ощутимого урона этот удар, видимо, не принес. Немец забыл, что хотел пригвоздить Литвинова к земле и переключился на обладателя кистеня. Тот, в свою очередь, не дал немцу даже обернуться. Второй удар пришелся в нижнюю челюсть немца и сопровождался хрустящим звуком. Немец выронил оружие и схватился за искалеченное лицо.

Ополченец с зажатым в руке кистенем побежал выручать еще кого-то. В траншее уже не было свободного места от заполонивших ее, борющихся фигур. Все прибывавшие с правого фланга немцы не могли стрелять, так как противники жутко перемешались. Литвинов вскочил на ноги и нос к носу столкнулся с новым врагом. Он только что выстрелил в кого-то и передергивал затвор. Выросший перед ним Литвинов не дал ему этого сделать. Русский солдат ухватил немецкую винтовку за ствол и пригнул к земле. Враг бросил свой «маузер» и ухватил Литвинова за грудки. Пару раз, обрушив Литвинова на стенки траншеи, немец хотел сделать это и в третий раз, но спина русского солдата не встретила никакого препятствия, а провалилась в дверной проем землянки. Потеряв равновесие, следом за Литвиновым туда впорхнул и немец. Борьба продолжилась внутри. Не вставая на ноги, противники норовили вцепиться друг другу в горло. Литвинову, наконец, это удалось, он даже почувствовал под пальцами цепочку от именного солдатского жетона своего врага.

На позицию, в которой кипела рукопашная, посыпались снаряды. Кто кроет ими по окопам, было непонятно, но скорее всего, как потом задумывался Литвинов, снаряды эти были советскими. Один из них угодил прямо в накат землянки. С потолка на борющихся обрушилась добрая порция земли и настала кромешная тьма. Литвинов сначала подумал, что уже убит, но боль, которую он чувствовал, разубедила его в этом. Гудела голова, видно досталось бревном из наката землянки, было тяжело дышать, от навалившейся на тело земляной толщи. Литвинов с трудом поднес руки к груди и попытался подняться. К удивлению и счастью солдата, земля, накрывшая его, оказалась податливой. Он выбрался из-под неглубокого слоя, отряхнул лицо, однако, темнота вокруг него не рассеялась. В стороне он услышал какое-то шевеление. Не вставая с колен, Литвинов пополз на звук. Нащупав в темноте чьи-то сапоги, солдат спросил нерешительно:

– Кто?..

Шевеление продолжилось, и вместо ответа Литвинов получил такой удар по уху, от которого у него перед глазами брызнули голубые искры.

– Ах ты падаль! – взвыл Литвинов отползая.

Значит немец тоже живой и это он его сосед по несчастью. Чиркнувшая спичка осветила руку врага, и два его перепуганных глаза. Остальной части лица, перемазанного землей, было не различить. Пока спичка горела, немец на своем языке, приправляя его жестикуляцией, объяснил Литвинову, чтобы тот не вздумал приближаться, иначе несдобровать. Огонек погас, и шевеление в темноте продолжилось. «Должно, выход роет» – подумал про себя Литвинов, а вслух спросил.

– Ты откуда знаешь, что там рыть надо? Может выход совсем и не там?

В ответ посыпались отрывистые фразы, очень напоминающие брань. Литвинов прислушался. Звук канонады еще доносился снаружи, но уже отдаленно. Может огонь перенесли на другой участок? А что там над ними? Чья взяла? Где-то совсем рядом раздалось глухое «...а-а-а!..», похожее на окончание русского «Ура!». Из темноты на Литвинова посыпался град слепых ударов. Русский солдат стал защищаться, пытался ударить в ответ, ухватил за край немецкий шлем и сдернул его с головы противника. Размахивая вражеской каской, он пару раз почувствовал, что она нашла своего хозяина. Немец недовольно заурчал и отполз в сторону.

– Слушай, ну чего я тебе сделал?! – разъярился Литвинов в темноту. – Чего ты пристал ко мне?! Зараза холерная!

Из темноты в Литвинова летели взаимные немецкие проклятия. Наверху все стихло. Литвинов уперся спиной в стену и так ждал. Немец молчал, не шевелился. Прошло много времени. Литвинов не терял бдительности и не смыкал глаз, хотя были мгновения, когда этого очень хотелось. Наконец враг зашевелился. Послышался звук откручиваемой с фляги крышки, потом несколько шумных глотков, и снова завинчивание крышки.

– Russisch... wasser¹, – произнес немец.

– Не надо у меня своя, – вспомнил Литвинов о фляге и тоже напился. – Что дружить надумал?

В ответ – ни звука. Время опять растянулось в бесконечную нить. Усталость наконец-то сморила Литвинова. Ему даже приснился сон, который он помнил всю свою жизнь. Сон, который он видел в засыпанной солдатской землянке. Ему снился дом, и двор его родной, и ворота с калиткою. А из-за калитки – старуха выглядывает, зайти просится. Литвинов ей с порога говорит, что не пустит. А она ему тогда: «Вот гвоздь принесла, в гроб тебе вколотить», и гвоздь этот самый показывает. И вдруг лопнула. Да так оглушительно, что Литвинов проснулся. Снаружи опять канонада началась. Не старуха это лопнула, а снаряд рядом с землянкой. С потолка опять посыпалась земля. Темень как шилом прорвал узкий луч света. Литвинов бросился к прорванной лучом стенке. Орудя немецкой каской, он расширял образовавшуюся меж бревнами щель и звал товарища по несчастью:

– Ну, где ты там? Слышь? Помогай! Мы с тобой в одной лодке! Обоим наверх надо!

Немец подполз к обозначившемуся выходу, постанывая и придерживая одной рукой другую. Видимо во время последнего обвала, ему здорово досталось бревном. Когда образовалось отверстие, через которое мог протиснуться Литвинов, он рванул из ловушки первым. Оказавшись снаружи, русский солдат бегло огляделся. Вокруг лишь были развороченные артиллерией траншеи и ни одной живой души поблизости. На востоке занималась заря, омраченная плывущими на горизонте шлейфами черного дыма. Литвинов протянул в лаз свою руку и помог выбраться немцу. Тот стонал, вскрикивал, придерживая поврежденную руку. Когда немец вылез, Литвинов сказал ему:

– Не знаю куда ты, а я туда, – и махнул в сторону восхода.

Немец приложил ладонь здоровой руки к груди, попытавшись изобразить подобие улыбки. И они разошлись.

– Михалыч, чайник вскипел! – раздался совсем рядом голос Захар.

– Ага, шас заварю, – пришел в себя Литвинов-старший.

В закипевшую воду бросили ароматной сухой травы, нарванной еще в прошлом году и горсть ягодных хвостиков. На улице заметно посвежело, и Витя принес из палатки ватное одеяло, укутавшись им. Звезды стали ярче, потолстели, налились торжественным космическим соком. Костер почти потух. Темнота перестала быть такой таинственной и пугающей. В ней стали различимы кроны одиноких кедров и утесы, меж которыми лежал ягодный склон. Шепот реки, глядящей прибрежные камни, коварно убаюкивал.

– Интересно, есть еще где-нибудь такая красота как у нас? – спросил дядя Захар.

– Наверное, есть, – неуверенно ответил Витин отец.

– Если только за границей где-то, – презрительно протянул дядя Захар.

– А ты за границей был, бать? – полюбопытствовал Витя.

– В Польше, Германии, Чехословакии.

– И как там?

– Да... по-разному...

– Я тебе так скажу, Витек, – встрял дядя Захар. – Люди, бывает, лучше живут, а природы такой, все равно нет.

«Не скажи, Захар», подумал Литвинов-старший, «когда война к ним пришла, и они горя хлебнули». И тут же вспомнился ему случай, уже после Победы, поздним летом сорок пятого, когда он в одном из немецких домов, нашел болтавшуюся в петле молодую германку. Повесилась она, видимо, недавно, так как тело ее еще конвульсировало. Литвинов выхватил десантный нож и мигом срезал веревку. Оказалось, что не зря. То, что Литвинов принял за конвуль-

¹ Русский... вода (нем.)

сии, оказалось, мукой человеческого организма, не желавшего прощаться с жизнью. Девушка скоро отошла и стала рыдать.

– Чего в петлю полезла? – хотел узнать Литвинов, указывая на обрывок веревки, торчащий с потолка.

– Hungry... Mutter ist krank... Schwester ist krank...²

Литвинов тогда выгреб из вещевого мешка банку тушенки, остатки сахара и сухарей, и отправил несчастную домой.

– А вот тебе еще случай, – говорил дядя Захар Вите. – В Восточной Пруссии было. Стеллаж величиною с дом, велосипедами забитый. А у нас, до войны, их всего два штуки на весь поселок было. Так на стеллаж на этот, наш танк наехал, опрокинул все, и проехал по ним. Расплющил, раскатал.

– Зачем? – удивился Витя.

– Хо-го, а думаешь мало таких, как Микола Шехавец тогда было?

Витя ярко представил Николая Шехавцова, соседа из их двора. Он часто напивался и грубо отвечал пытавшимся урезонить его людям: «Я на фронте воду из луж лакал напополам с людской кровью, дайте хоть теперь нормальной жидкости выпить!».

Нет, отец Вити не такой. Его совсем не заставишь проронить слово о войне. Он никогда ее не вспоминает и не рассказывает про нее. Вот и сегодня, не про море не рассказал, не про другие страны, которые видел на войне. А там, наверно, здорово! Вот вернуться они с ягоды, Витя обязательно уговорит дядю Захара отдать ему белогвардейскую шашку.

Май 2013.

² Голод... Мать заболела... сестра заболела (нем.)

Молитва

Не бывает атеистов в окопах под огнем.

Е. Летов

Хотелось, чтобы пыль, поднимаемая солдатами, хоть немного рассеивалась или, на худой конец, скорее оседала. Но полное безветрие и жара делали существование невыносимым. Серая порошковая масса забивала ноздри и уши, скрипела на зубах, скапливалась в уголках глаз. Вода, из стеклянных, обтянутых зеленым брезентом фляжек, нагревалась и не могла утолить жажды. По обочинам, пыль садилась на вызревшую и просившую уборки рожь, но людям было некогда убирать ярко-желтый злак, не до этого им сейчас...

Помимо ног в солдатских ботинках с обмотками, топающих на заход солнца, в противоположную сторону двигались ноги обутые в гражданские туфли, сапоги, босоножки, а часто и вовсе без обуви. Среди босых ног не редко мельтешили копыта волов, овец, коней и коров. Многочисленные отпечатки следов людей и животных, оставленные в дорожной пыли и по обеим ее обочинам, расплосовывали узкие бороздки от колес допотопных телег и арб, чуть шире – дутые шины дрожек и бричек, и самые толстые – покрышки «эмок» и «полоторок».

Добровольческий батальон, на скорую руку сформированный из комсомольцев, второй день находился на марше, а молодые люди все не могли свыкнуться с картиной их окружающей. Да сколько же будут тянуться эти бесконечные караваны беженцев?! Неужто вся Западная Беларусь решила уйти из-под ненавистного ига? Ох, сколько же их...

Что уж говорить об вчерашних школьниках, составлявших три четверти батальона, если сам командир подразделения – старший лейтенант Смоленцев, видел все это впервые. Окончив, два года назад, пехотное училище, он попал на Халхин-Гол, и неплохо проявил себя, командуя взводом при взятии Песчаной сопки, за что и получил внеочередной кубик в петлицу и «Красную Звезду» на грудь. Но там было все по иному: полное господство нашей авиации в воздухе, количественный и качественный перевес в танках и артиллерии, а самое главное – война велась не у нас. Да, монгольский народ – дружественный нам, и его тоже жалко. Но тогда самурайскую армаду удалось сдержать на границе, пострадали лишь несколько монгольских пастухов, охранявших свои стада близ пограничных рубежей. А теперь? Конца края не видно этим потокам беженцев. И даже не они оказывают такое паршивое действие на психику, от которого к горлу подкатывает тошнота и хочется плевать. Все это от идущих навстречу наших солдат. Оборванные, небритые, голодные они отступают разрозненными кучками. Среди отступающих много раненных. Беженцы говорят, что большинство из них – самострелы. Но так ли это? Хочется верить, что нет. Советский солдат не позволит себе совершить над собой членовредительство. Помимо своей высокой морально-психологической устойчивости, воин Красной Армии знает, что ему грозит за это трибунал. Нет, не может быть, не верю...

Среди солдат шагавших в Добровольческом батальоне, шел русоволосый невысокий парень, с говорящей фамилией Христолюбов. В детстве, после того, как мать объяснила ему значение фамилии, которую он носит, мальчик некоторое время гордился ею. Но, придя в первый класс, маленький Никита Христолюбов понял, что является объектом насмешек не только своих сверстников. Учителя довольно часто относились с холодной отрешенностью к нему, которая иногда перерастала в открытую враждебность. Перед тем как принять мальчика в пионеры, старший пионерского актива взял с него клятву, что в будущем Никита сменит фамилию. Годы шли, а клятву Никита почему-то не выполнял. Нет, он не был безответственным, и всегда выполнял данное обещание. Нельзя было сказать, чтобы он дорожил своей фамилией – многолетнее промывание мозгов в школе дало свой эффект. Но все же чуть-чуть не докрутили преподаватели с комсомольскими активистами, а именно до той отметки, на которой бы Христо-

любов возненавидел свою фамилию. Вот если бы возненавидел, тогда да, стал бы Левоневским или Авроровым. А отношение у активистов к нему было такое: «Кого там мы сегодня в комсомол принимаем? Христолюбова? Ох, что-то не звучная фамилия. А как у него с политической подготовкой? Отлично? А в спорте, какие дела? Чемпион школы по лыжам? Ну, что ж, неплохо. А в общественной жизни участие он принимает? Самое активное? Это прекрасно! Зачем оставлять наши ряды без такого человека? А фамилия, да кто сейчас помнит про Христа-то? Уж и не знаем вовсе, кто это такой». Не докрутили в школе, но на «правильную» дорогу поставили: лет в десять последний раз в церкви был. Мать заметила, что все реже удается вытащить сына на службу в единственный не закрывшийся храм города, да сделать ничего не смогла. На уговоры и доводы ее, у Никиты были доводы учителей, которым противоречить не рекомендовалось даже в стенах собственной квартиры, потому что и у стен бывают уши. Однако ж провозжая свою кровиночку на фронт, женщина не удержалась и сунула в нагрудный карман новенькой гимнастерки листок с молитвой.

– Не выбрасывай, сынок, пожалуйста, – сказала она тогда, – ради меня. Так мне спокойней будет...

– Что это, мам?

– Украдкой разверни как-нибудь, поди, вспомнишь слова заветные, – ответила женщина, смахнув слезинку.

Уже в поезде сын развернул свернутый вчетверо, исписанный материнской рукой листок, и, прочитав несколько первых слов, тут же скомкал и хотел выбросить. Но, вспомнив рассказ своего соседа, участника Империалистической, говорившего о том, что на фронте всегда тяжело с бумагой для самокруток, расправил листок и уложил обратно в карман.

От воспоминаний к действительности Христолюбова вернул, ставший знакомым, и вселивший некоторый страх за эти два дня, что их батальон двигался к фронту, нарастающий звук. Солдаты, не дождавшись команды, врассыпную ринулись в обе стороны от дороги, хоронясь в пшенице. Среди беженцев поднялась настоящая паника, им тоже был известен приближающийся гул и все то, что за ним последует. Лежа в спелой ржи и обнимая ладонями пилотку и стриженный затылок, Никита ждал разрывов и пулеметных очередей, посылаемых врагом в беспорядочно мечущихся людей одетых в гражданскую одежду. Однако самолеты пронесли над залегшим батальоном, а взрывов не последовало. Несмело открыв глаза, Христолюбов посмотрел в небо. На голубом фоне металась три черных силуэта, среди которых солдат различил пару уже виденных им «мессеров» и наш И-16 (посещая клуб Осоавиохима, Никита ознакомился со всеми моделями советских танков и самолетов). «Ишачок» пытался улизнуть от нападающих фашистов, а те, взяв его в клещи, и вскоре советская машина задымила. От падающего самолета отделилась черная точка и стремительно полетела вниз, но, незадолго до земли, над ней раскрылся белоснежный купол. «Мессера» легли на обратный курс.

Солдаты неторопливо выходили из ровных рядов пшеницы и строились на дороге. После недолгой переключки Смоленцев отдал приказ отделению младшего сержанта Рябцева (сорокалетнего агронома, призванного из запаса) отправиться на поиски сбитого летчика.

– В случае если пилот ранен, оказать первую помощь и посадить на попутный транспорт идущий на восток, – инструктировал Рябцева командир батальона.

В отделение Рябцева кроме Христолюбова и других бойцов попал солдат по фамилии Шемякин. Он был небольшого роста, не отличался шириной плеч или ярко выраженной мускулатурой, но успел зарекомендовать себя, как человек редкой выносливости. Кроме этого рядовой Шемякин отличался вздорностью и непокорностью характера. Не раз он вступал в споры и пререкания со своими сослуживцами, а порой и командирами. Не имея возможности применить к Шемякину дисциплинарное взыскание в виде традиционного наряда вне очереди, командиры приказывали непокорному бойцу нести вещевые мешки отстающих товарищей.

Шемякин взваливал на себя пять-шесть солдатских сидоров, но от этого бодрость его походки не уменьшалась, и сослуживцы, переглядываясь с плохо скрытой завистью, говорили:

– Двужильный он что ли?

Во время формирования батальона, Шемякин лучше всех стрелял в фанерного «врага», дальше всех кидал учебную гранату, и у него лучше всех получалось колоть штыком соломенное чучело. Все время с момента отправления он ждал «дела» и здорово оживился, услышав о том, что в составе отделения отправится на поиски сбитого летчика.

Выйдя из маршевой колонны, отделение Рябцева двинулось к росшей в стороне роще, за макушками деревьев которой, скрылся купол советского парашюта. Ориентиром солдатам служил шлейф мазутного дыма, вертикально поднимающийся от упавшего И-16. «Пилота надо искать левее от самолета, не доходя версты» – прикидывал в уме Рябцев. Однако его отделение не успело добраться до рощи, когда из-за деревьев показалась фигура в летном комбинезоне. Потерпевший крушение пилот шагал бодрым и скорым ходом даже не хромя, очевидно посадка оказалась удачной. Шемякин выскочил из строя и побежал ему навстречу.

– Рядовой Шемякин! – почуяв недоброе, закричал на него командир отделения. – Немедленно вернуться в строй!

Боец, даже не повернув головы, продолжил бег. Рябцев поспешил догнать взбалмошного подчиненного. Отделению ничего не оставалось, как следовать за младшим сержантом.

– Ну, что, сталинский сокол, отлетелся?! – на ходу крикнул Шемякин авиатору, повергнув его своей фразой в оцепенение.

– Не понял, боец... – выдавил из себя пилот, когда отделение уже подбежало к ним.

– Виноват, товарищ пилот, не знаю вашего звания, – затараторил Рябцев. – Шемякин, заткни варежку и встань в строй!

– Не мешайся, Ряба, – коротко бросил Шемякин командиру отделения, назвав его кличкой, которую употребляли солдаты к младшему сержанту только за глаза. И снова к авиатору:

– Что летаем так плохо?

Пока шла короткая перепалка между Рябцевым и Шемякиным, летчик успел выйти из легкого ступора.

– Да ты, шкет, как разговариваешь?! Ты на своей роже прыщи давил, когда я над Гвадалахарой своего первого «фоккера» сбил!

– Кому ты заливаешь, дядя? – не унимался Шемякин, наглости которого, казалось, нет предела. – Я тоже могу придумать, что Выборг штурмовал!

– Ах ты, вша недобитая! Пионер сопливый! А про это что скажешь? – разъярясь все больше, крикнул летчик, распахивая на своей груди комбинезон.

В образовавшемся просвете показался привинченный к кителю орден «Красного Знамени».

– Знаем, как вы эти «цапки» зарабатываете! – не унимался Шемякин. – На Красной площади в Первомай, под общие аплодисменты!

Ошалевший от такого диалога Рябцев, не мог и слова вымолвить. Старый служака, он и в страшном сне не воображал себе такой дерзости, проявленной молодым солдатом. Летчик был поражен не меньше Рябцева.

– Ну, а насчет субординации, ты что-нибудь слышал? – спросил авиатор, показывая синюю петлицу со шпалой.

На этот раз Рябцев не дал Шемякину рта раскрыть:

– Товарищ капитан, виноват, я направлен командиром Добровольческого батальона для выяснения вашего места приземления и, в случае необходимости, оказания первой медицинской помощи, – частил младший сержант, в душе прося Шемякина лишь об одном – чтоб тот вновь не начал говорить.

– Хорошую же помощь вы мне оказали! – переключил свое возмущение капитан на стоявшего навтыжку с виноватым и покорным видом Рябцева. – Арестуйте этого наглеца, младший сержант, и препроводите в ближайший фронтовой трибунал. Там с ним разберутся.

– Слушаюсь, товарищ капитан! – отчеканил Рябцев, приложив руку к пилотке.

– Все, можете выполнять, – уже спокойнее добавил авиатор, размягченный безоговорочной покорностью младшего сержанта. – Как видите, медицинская помощь мне не требуется, – и, развернувшись, стремительно отправился к виднеющейся дороге.

Он не стал, проверять исполнит ли Рябцев его приказ или нет. Он мог бы приказать, чтобы Рябцев выделил двух бойцов и собственноручно доставить Шемякина в трибунал. Но ни того, ни другого он не сделал. Видно здорово торопился к аэродрому и самолетам. Здесь на краю рощи, в километре от догоравшей машины, на которой пролетал больше года, он не чувствовал себя так уверенно, как там – «на своей территории». Здесь каждый куст таил в себе угрозу, за каждым деревом, казалось, прятался враг. А в небе все было родным.

– Ну, Шемякин, – тихо произнес командир отделения, когда летческий кожаный шлемофон исчез среди колосьев, и стало ясно, что капитан не вернется, – век меня будешь водкой поить.

Поняв смысл сказанной Рябцевым фразы, бойцы радостно заулыбались. Конечно, и им не хотелось, чтобы Шемякина сдали во фронтовой трибунал. Пусть он вздорный, грубый, наглый и, бесспорно, заслужил, чтобы его судили, но ведь он их товарищ, и честно сказать, с таким не страшно идти в бой.

А Шемякин, услышав слова Рябцева, расплылся в широчайшей улыбке и с благодарностью ответил:

– Коньяком, товарищ младший сержант, только армянским коньяком! На меньшее и не рассчитывайте!

Бойцы шлепали Шемякина по плечу, приговаривая:

– Молодчина, Володька!

– Ох, и отчаянный же ты...

– Чего вы его хвалите? – ворчал шагавший впереди Рябцев, до которого долетали фразы солдат. – Гляди, Шемякин, не доведет до добра тебя твоя говорилка. Попадись другой капитан – он в порошок бы тебя стер. А этот, видать, торопился шибко...

Несмотря на то, что Рябцев был старый солдат, всегда выполнял приказы командиров и начальников, а нарушение субординации было для него смерти подобно, он не был заскорузлым солдафоном. Ломать судьбу молодому парню, у которого вся жизнь была впереди, Рябцеву не хотелось. «Ничего – думал командир отделения, жизнь его пообтерхает».

Свой батальон отделение Рябцева настигло не на марше, а уже непосредственно на самих позициях. Солдаты Добровольческого батальона рыли индивидуальные ячейки, когда младший сержант построил свое отделение перед наблюдавшим за работой бойцов Смоленцевым и, подойдя строевым шагом, отрапортовал об успешном выполнении приказа.

– Говоришь, от помощи отказался? – спросил Смоленцев у Рябцева просто так – лишь бы что-нибудь спросить.

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

– Хорошо, иди к своему командиру роты, он покажет позицию, которую будете занимать.

Когда командир роты указывал опоздавшему отделению его место расположение, то велел солдатам работать с утроенной скоростью, чтобы они могли закончить рытье окопов одновременно с остальными бойцами. Добровольцы из отделения Рябцева достали из чехлов малые пехотные лопатки и приступили к действию. Но лишь отошел командир роты, как Шемякин тут же принялся в полголоса ругаться в адрес ротного:

– Грамотей хренов! Ему бы поскорее комбату доложить, что позиция к бою готова. А то, что мы не по своей прихоти опоздали – его мало колышет.

– Помалкивай, Шемякин! – сквозь зубы цыкнул на него Рябцев. – Тебе, я вижу, волю дай так ты и на голову сядешь. Ишь, шкет, какой! И откуда столько форсу? Учти, Шемякин, вечно тебе это с рук сходить не будет...

– Да что ты меня учишь?! – повысил голос скандалист. – Я, может, последние минуты живу, а ты нравоучения даешь, будто у меня вся жизнь впереди. Для мирного времени свои проповеди оставь. А сейчас другое время, другой закон. Даже я это понимаю – а ты понять не хочешь.

– Ну, не горячись, не горячись, – примирительно замахал на него Рябцев, – в бой с таким коленкором, как у тебя, нельзя идти. Надо на победу надеяться, а не то сгинешь.

Позиция, выбранная Смоленцевым, шла по краю невысокой песчаной дюны. Строчки индивидуальных ячеек перерезали дорогу под прямым углом в двух местах. Здесь батальон должен был дать бой, тем самым, давая возможность подальше уйти колоннам беженцев. И еще: они должны выиграть несколько часов времени, для того, чтобы там, в тылу, командование могло сколотить из масс, в беспорядке отступающих солдат, хоть сколько-то пригодные к обороне соединения. Об этом знал Смоленцев. Об этом знали командиры рот. Об этом смутно догадывались призванные из запаса солдаты вроде Рябцева. Но об этом не подозревали зеленые, необстрелянные бойцы Добровольческого батальона. Они не видели в прикрытии не одного артиллерийского орудия, в кустах не скрывались советские танки, а небо не могло похвастаться пестротой красных звезд на крыльях пролетающих самолетов. Оно попросту пустовало. Но молодые бойцы, вчерашние школьники, первокурсники техникумов и училищ, не обращали на это внимание. Они слепо верили в победу Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Эту уверенность им многие годы прививали, через прессу, фильмы, на занятиях по первоначальной военной подготовке. И лишь, развитый не по годам Шемякин, преугадал разворачивающуюся здесь историю.

Присев на одно колено, Христолюбов рыхлил лопатой мягкий песок и выбрасывал его на бруствер индивидуальной ячейки. Кто-то подошел к краю окопа. Приподняв голову, солдат увидел опустившуюся вниз пару запыленных сапог. На бруствере сидел Смоленцев и стучал тыльной стороной папиросы по краю коробки.

– Перекур, ребята, – по-простому объявил он, – сходитесь сюда – угощаю.

Солдаты из отделения Рябцева подошли к своему командиру батальона. Смоленцев раздал папиросы, некурящие присели просто так.

– Вот тут, мужики, и встретим фашиста, – сказал старший лейтенант, будто речь шла не о враге, а о каком-то обыкновенном случае, вроде встречи деревенского стада коров. – Вынудим, чтоб встали, как вкопанные, дождемся наших, небось, за подкреплением дело не станет, а там и повернем их мордами к Германии. Правильно я говорю?

– Так точно, товарищ старший лейтенант! – весело и в разной отдачи отвечали солдаты.

– Товарищ старший лейтенант, – после утихнувшего смеха сказал Христолюбов, – а тяжело человека убить?

– На войне – нет, – не задумавшись, ответил комбат. – Это то же самое, что первый раз попробовать женщину: ходишь потом наутро и все время думаешь об этом. Кстати, и то и другое делает тебя настоящим мужчиной. А сегодня, чувствую, все из вас мужиками станут.

– А те, кто уже был с женщиной? – спросил симпатия по фамилии Бобров.

– Ну, те уж по всем статьям зачислятся! – ответил Смоленцев под общий хохот и хлопнул молодого ловеласа по плечу.

Нет, они, безусловно, становились мужчинами, и для этого не надо было выполнять условий, поставленных Смоленцевым. Мужчинами их делала смерть. И не только женская ласка оставалась ими не познана. Им не суждено было узнать счастья отцовства, чувства гордости за достижения своего ребенка, счастливой старости в окружении любящих внуков и заботливых детей. Смерть навсегда оставляла их молодыми...

После того, как личный состав батальона принял остатки сухих пайков на обед, Смоленцев собрал командиров рот и взводов на своем НП. Взводники вернулись с недолгого инструктажа с солдатскими сидорами в руках, и, в свою очередь, объявили сбор командирам отделений. Когда Рябцев возвратился к своему отделению, то принес две бутылки темно-зеленого стекла.

– Вот, бойцы, не чаял, что и нам придется когда-нибудь такой оружией воевать. Гутарют, будто в Испании франкисты наши танки этими штуковинами забрасывали. Ну, да как там было, я не ведаю, а только в Карелии, доводилось у белофиннов их отбирать. Еще и название им придумали – коктейль Молотова. Но вы это прозвище забудьте. По-нашему она зовется КС.

– А как эта бутылка действует, товарищ младший сержант? – спросил Шемякин.

– Принцип действия простой: кидаешь ее танку на вентиляционную решетку, она у него позади башни, горючка разливается и прожигает маслопроводы и патрубки. Все – танк обезврежен. Могешь еще в щель кидануть, откуда на тебя механик-водитель зырит, но бутылка навряд ли триплекс расколотит, однако ж, минут несколько обзор фашисту огнем закроешь.

– Да, не серьезная безделушка против танка-то, – как бы про себя протянул Шемякин.

– Ты мне тут провокацию не начинай! – почувствовав, куда может завести эта беседа, сердито выдал Рябцев.

– А кому бутылки полагаются? – осведомился Бобров.

– Одну, понятное дело, себе оставлю, как наиболее подготовленный среди вас красноармеец. А другую – Шемякину пожалую, кому ж еще-то? – с притворным почетом склонился Рябцев перед Шемякиным и протянул ему бутылку с КС, словно каравай хлеба на рушнике с вышивкой.

Солдаты дружно рассмеялись, а Шемякин, не терпевший над собою шуток, задал еще один интересующий его вопрос, отвлекая от своей личности дружеский смех:

– Товарищ младший сержант, а от чего же горючка загорится, когда я бутылку разобью?

– Про этот случай, там внутри склянка положена. Вот бутылку расколотишь, и склянка эта разлетится вдребезги, а в ней самый запал и есть, от него и займется, – объяснил малограмотный Рябцев, как умел.

Шемякин поднес к глазам бутылку и сквозь зеленую муть разглядел тонкую продолговатую ампулку с белым фосфором, который, вступив в соединение с горючей смесью, моментально воспламенил бы ее.

– Вооздуух!!! – раздалось откуда-то со стороны третьей роты.

Солдаты разбежались каждый к своему окопу, и через десяток секунд песчаная дюна опустела. Самолет-разведчик пролетал над вымершими позициями. Красноармейцы жались к стенкам своих узеньких окопов и боялись, как бы снова на их головы не посыпались бомбы. Но больше всего тревоги было сейчас на сердце у Смоленцева. Он знал, что этот самолет не будет сбрасывать бомб, он здесь для другой цели. «Жди „гостей“, – говорил сам себе молодой комбат, вот черти грамотные, перед боем разведку с воздуха проводят, все честь по чести».

Дав над полем восемь или девять кругов, самолет удалился. Смоленцев велел передать по цепочке: из окопов не высовываться; приготовиться к бою.

Не успел стихнуть гул удаляющегося самолета, как на смену ему пришел новый рокот. На дороге и по обеим сторонам от нее показались пыльные шлейфы, вертикально поднимающиеся к небу. Вскоре, у основания этих столбов стали различаться черные точки. Воздух над ними сотрясался колеблющимися струями дизельных выхлопов. Людей не было видно ни позади машин, ни сбоку от них. Создавалось впечатление, что в бой идут одни лишь жуткие стальные чудовища, влекомые кем угодно, но только не людьми, так безлюдно казалось простирающееся поле боя.

– В кого же мне стрелять? – лежа щекой на прикладе своей трехлинейки, шепотом проговорил Христолюбов.

– Ползите, ползите сюда, – шевелил губами в своем окопе Шемякин, сжимая бутылку с коктейлем Молотова.

– Только бы не остановились! – лихорадочно крутилась мысль в голове Смоленцева. – Только бы подъехали на бросок гранаты!

Но железные чудовища, словно услышав волнение командира Добровольческого батальона, внезапно разом остановились. Смоленцев отметил в своей голове: человек с флажками не высовывался из люка танка, значит, все машины укомплектованы радиопередатчиками, и из них экипажи получают общую команду.

Вот он, тот момент, та секунда, то мгновение, за которое успеваешь вспомнить всю свою жизнь. Они остановились и водят дулами орудий. Они нащупывают тебя своими страшными хоботами. Первые выстрелы сотрясли накалившийся знойный воздух. Склон песчаной дюны тут же покрылся султанами разрывов. Песок, выброшенный на брустверы при рытье окопов, успел высохнуть и сливался с основным фоном позиции. Немцы били по координатам, сообщенным самолетом-разведчиком, и с первых же выстрелов в батальоне появились потери. Солдаты, которых накрывало взрывами, убивало осколками, контузило и засыпало в их узких индивидуальных ячейках, так и не успевали увидеть своего врага. Они даже не успевали сделать ни единого выстрела в сторону этого врага.

Когда первые снаряды вспороли поверхность дюны, Христолюбов, стоя в своем окопе на полусогнутых ногах так, что выглядывали одни лишь глаза из-за бруствера, даже не пригнулся и не опустился на дно окопа, как это сделали остальные солдаты. Он не мог оторвать взгляда от извергающих огонь танков, и это не было праздным любопытством. Нечеловеческий страх сковал его мышцы и заставлял смотреть на картину жуткой бойни. Губы сами собой стали несмело и нечетко выговаривать:

– Господи сп... спаси... проне... си, Господи...

– Христолюбов, идиот! – послышалось рядом. Никита обернулся и увидел яростное лицо Шемякина. – Пригни башку и заляг на дно! – кричал ему он.

Христолюбов так и остался стоять в своем окопе, следя за уползающим по-пластунски Шемякиным. В руке тот сжимал горлышко бутылки с КС, держа ее по принципу гранаты, дном кверху. Выбрасывая ноги в разные стороны, он двигался довольно быстро, но новая зеленая форма делала его приметным на желтом фоне песчаного склона. Вскоре рядом с ползущим легла пулеметная очередь, пущенная с какого-то танка. Поняв, что его обнаружили, Шемякин вскочил на ноги и, делая зигзаги, пробежал еще около двадцати шагов. Замахнувшись бутылкой, он хотел бросить ее в ближайший к нему танк и, может быть, попал бы в него, но опередившая его пулеметная очередь прошла по груди молодого солдата и расколола бутылку с КС воспламенила ее. Еще живой Шемякин вспыхнул от пролившейся на него горючей жидкости и, сделав несколько нервических скачков, упал, зайдясь в конвульсии. В ту же секунду из глаз Христолюбова брызнули слезы. С такой надежной он наблюдал за продвижениями Шемякина, так хотелось ему, чтобы хоть одна вражеская машина запылала подобно свечке, так было жаль видеть смерть своего товарища, что Христолюбов поднес кулак ко рту и с силой прокусил его.

В этот отчаянный момент он вспомнил о листе бумаги положенном матерью в карман его гимнастерки. Доставать его не было времени, и Христолюбов стал, заикаясь и путаясь, шептать слова молитвы:

– Живый в помощи Вышняго... в крове Бога Небеснаго водворится... Речет Господи... заступник мой еси и Прибежище мое... Бог мой, и уповаю на Него...

А стрельба тем временем стала стихать. Склон дюны зиял сотнями дымящихся воронок. Где-то раздавался срывающийся на фальцет вопль:

– Мамочки, нога! Нога моя! Мамочки! Ааааааааа!

Танки снова разом двинулись вверх по склону. Христолюбов вперил свой взгляд в надвигающуюся на него черную громадину. Под напором несшейся машины, он непроизвольно сде-

лал шаг назад и, упершись в стену окопа, сполз спиной на дно. Как из колодца Христолюбов смотрел на кусок неба. Сначала на голубом фоне показался хобот орудия, затем часть башни, а потом в окоп упал ссунутый гусеницей бруствер, привалив ноги солдата. На миг в окопе стало темно. Христолюбов прикрыл голову ладонями. Трак вражеской машины прошел над макушкой солдата.

Пролетев окопы, немцы остановились посреди бывших позиций погибшего Добровольческого батальона. Не в силах убраться руки от головы и разогнуться Христолюбов продолжал сидеть в своем полузасыпанном окопе с зажмуренными глазами. Он слышал, как в танках стали откидываться крышки люков и по броне забарабанили шаги спрыгивающих на песок фашистов. Отовсюду стала раздаваться чужая лающая речь и громкий смех. Внезапно сквозь хохот и рычание дизелей послышался голос младшего сержанта Рябцева:

– Что?! Закурлыкали гуси херовы?! Радуетесь, что не одного вашего сундука не спалили?!
Погодите, за нами ребята покрепче стоят, не чета пацанам этим! Еще увидите...

Выстрел оборвал недолгую тираду Рябцева.

К краю окопа, в котором сидел Христолюбов, кто-то подошел. Введенный в состояние глубокого ступора проехавшим над головой танком, солдат был неподвижен, и лишь продолжал твердить про себя слова забытой молитвы. Помочившись на припорошенную песком спину якобы убитого русского солдата, танкист бросил в окоп окурочек сигареты и злобно выругался:

– Schaiße!³

Окурочек щелкнул Христолюбова по пилотке, и отлетел в сторону. Гимнастерка, смоченная потом и чужой мочой, противно прилипла к спине. Клокотавшие внутри обида и унижение успешно гасились все тем же неутрачиваемым страхом.

С облегчением Христолюбов услышал звуки закрывающихся люков и рев фашистских двигателей. Немцы торопились заставить врасплох наши стрелковые дивизии.

Шум моторов едва был слышен, а солдат все не мог пошевелиться, все также неподвижно сидел в своем окопе. Из оцепенения его вывели, чьи то торопливо протопавшие мимо шаги. «Неужели отставший немец?» – пронеслось в голове Христолюбова, «да, нет, это наш, точно наш!». Выбравшись из индивидуальной ячейки, которая, чуть было не стала его индивидуальной могилой, солдат увидел бегущего через взрыхленную гусеницами и воронками дюну своего однополчанина.

– Эй! – попытался крикнуть Христолюбов, но только сейчас заметил противное ощущение сухости во рту, продиравшее глотку.

Солдат обернулся, и Христолюбов с трудом узнал в этом передернутом страхом лице красавчика Боброва.

– Христолюбов, ты что ли? – спросил Бобров. – Давай быстрее! Шевели своими сучками, пока нас тут не накрыли.

Никита заковылял следом на непослушных и трясущихся в коленях ногах. Пребывая в полубморочном состоянии, он чувствовал, что его начинает мутить и к горлу подкатывает тошнота. Нашупав на поясе фляжку, он открыл ее и на ходу вылил в себя остатки нагретой противной воды.

– Подожди, Бобров, – прохрипел он осипшим голосом, – может, ... поищем наших?.. Наверное, ... кто-то остался, ... так же как мы, ... или раненые... может, ... я слышал, ... кто-то кричал, ... может... по... помощь...

– Не мели хреновину, Христолюбов! – не останавливаясь, бросил ему однополчанин через плечо, – пока будем наших искать – немцы нагрянут! Танки прошли, а за ними сейчас следом все остальные потянутся. А раненый? Ну, куда мы с ним? Ты подумай, мы же с ним далеко не уйдем.

³ Дерьмо! (нем.)

Христолюбов ковылял молча позади, не осмеливаясь спорить с Бобровым. Они уходили прочь от дороги, по которой должны были подтягиваться силы к танковым соединениям, взламывающим оборону советских войск. К северу от изрытой окопами и воронками дюны виднелся сосновый бор. Туда и держал курс Бобров, Христолюбов же едва успевал за ним. Опрокинутый танком бруствер окопа отдал ног солдату, и теперь он, морщась, хромал позади Боброва, заставляя того то и дело останавливаться и ругать Христолюбова за нерасторопность.

Добравшись до первых деревьев, Бобров завалился на сухую хвою толстой подушкой устлавшую землю под соснами. Рядом с ним, слабо постанывая, растянулся Христолюбов.

– Еще немного к северу возьмем, – отдышавшись, произнес Бобров, – а потом на восток повернем и будем к нашим пробираться. Лишь бы в болото не вляпаться, мужики говорили, тут болот на каждом шагу понатыкано, куда ни сунься...

– Через лес пойдем?

– Конечно, из леса нам сейчас никак выходить нельзя. У тебя закурить не осталось?

– Не, последнюю после обеда скурил.

– А газетки на самокрутку не приберег случаем?

Христолюбов вспомнил о листе с молитвой и ответил:

– На одну, пожалуй, найдется.

Достав из кармана тетрадную страницу, он оторвал узкую полоску внизу листка, не испанную материнским почерком. Бобров полез в гимнастерку и вытащил из нее шестигранный эбонитовый цилиндр. Открыв его, он высыпал на бумажку щепотку коричневой махорки.

– А ты в свой, небось, все данные сложил, чин чином? А? Христолюбов? – спросил внезапно повеселевший напарник.

– Да нет, так пустым и таскаю.

– Ну, и дурак, что порожняком таскаешь. У меня в вещмешке нетронутая пачка махры осталась, жалко конечно, но лучше живым без курева, чем мертвым с папиросой, – с достоинством изрек Бобров нехитрую житейскую истину.

Затем, покопавшись под брючным ремнем, он извлек оттуда еще один солдатский медальон. В нем хранилось три спички.

– Вот, припрятал на черный день, – бережно раскладывая их на ладони, хвалился предприимчивый солдат, – как знал, что пригодятся.

На торцовой стороне медальона было прилеплено кресало из серной боковушки спичечного коробка. Чиркнув об него спичкой, Бобров подкурил самокрутку и с блаженным видом затянулся. Сделав три-четыре глубокие затяжки, он протянул окурочек Христолюбову. Никита покачал в ответ головой. Его до сих пор мутило, и курить не хотелось вовсе.

– Ладно, отдохнул? – докурив, спросил его Бобров. – Вон гляди уже солнце садится, самое время и нам двигаться. Я слышал, немцы впотьмах не наступают. Вот мы за ночь наших и нагоним.

Тяжело поднявшись на ноги, Христолюбов побрел через лес вслед за товарищем. Закатывающееся за горизонт солнце уже не могло своими лучами проткнуть толщу сосновых ветвей, сумерки в бору становились гуще, нежели на открытом пространстве. Мгла протискивалась меж деревьев и заполняла собою все пространство. Скоро она начала проглатывать силуэт впереди идущего напарника. Христолюбов стал побаиваться, что может отстать от него и попросту заблудиться, и окликнул Боброва. В этот самый момент из сумерек перед ним вынырнул могильный крест. От неожиданности Христолюбов вскрикнул и, попятившись, упал на спину. На крик из-за деревьев появился Бобров.

– Ну, чего ты тут опять? – недовольно заворчал он, но, увидев крест, удивленно присвистнул и опустился на корточки перед ним.

Христолюбов присел рядом с Бобровым, всматриваясь в вырезанную надпись на поперечной дощечке креста. На ней значилось:

BAZILI FEDOTJEV
GREN. 4 GREN. NIESW. P
6.7.1917

– Похоже, немцы ставили, – молвил Христолюбов, – нашему солдату, в ту войну еще...

– Да ну, не может быть, – засомневался Бобров, – неужто они сюда дошли?

– А чего «неужто»? В нынешнюю войну, как видишь, и дальше прошли, и еще неизвестно, где их остановят.

– Да, только теперь нам с тобой такие кресты немцы не поставят, времена уж не те, ноне не до благородства, – и, махнув рукой, Бобров вновь запетлял меж деревьями.

Вскоре почти совсем стемнело. Христолюбову пришлось выставить перед собой руки, чтобы низко свисающие сосновые ветки не били его по лицу. Еще через какое-то время среди макушек деревьев замелькали куски блеклого закатного неба. Солдаты поняли, что вышли к опушке бора и насторожились. Где-то совсем недалеко слышался ленивый лай собак, и это говорило о близости человеческого жилья. Опасаясь, что деревню уже заняли немцы, бойцы осторожно выползли к крайним деревьям и осмотрелись.

Затерянный в бескрайних белорусских лесах хутор, казался вымершим: на единственной улице, протянувшейся вдоль опушки бора, не было видно ни души, а из труб крытых тесом бревенчатых домов не вился дым.

– Видать, ушло население, – сделал вывод Бобров. – Но и немцев не видно. Айда, малый, по квартиркам прошвырнемся, авось, пожрать, где оставили.

Выбравшись из леса, товарищи затрусили к ближайшему дому. В задвижку его двери, покидавшие родное жилище хозяева наивно воткнули оструганный деревянный клинышек, как они не раз делали, когда уходили на поле или по другим надобностям. Открыв дверь, Бобров вошел внутрь дома, раздвинул зашторенные занавески, и солдатам открылась картина полного беспорядка царившего в доме. На полу валялись ворохи каких-то тряпок, груды хлама, рваные газеты и битая посуда. Посередине комнаты стояла пара старых поношенных ботинок, наверное, хозяин решил оставить их, воспользовавшись новыми, которые он наверняка обувал только по праздникам да еще когда ездил в город. При появлении солдат, с кухонного стола врасыпную бросились мыши, собиравшие на нем хлебные крошки. Бобров распахнул дверки тумбочки и, ухватив глиняный кувшин за широкое горло, поднес его к лицу. Понюхав содержимое, он удовлетворенно кивнул и надхлебнул из него. Передав посуду напарнику, Бобров продолжил проверять содержимое тумбочки. Христолюбов попробовал жидкость и, убедившись, что это простокваша, жадно стал пить ее. Кислый вкус притуплял тошноту, Христолюбов не оторвался от края кувшина, пока все не выпил. В это время Бобров выложил на крышку тумбочки не меньше дюжины огурцов и сейчас ворошил ее в поисках хлеба. Так и не найдя то, что искал, он принялся есть огурцы, предварительно окуная их в солонку.

На краю хутора одновременно залились лаем две собаки: одна – озлобленно и сердито, вторая – радостно, и, казалось даже, восторженно. Бобров прекратил жевать и прильнул к окну. Тьму единственной улицы хутора прорезали столбы электрического света, исходящего от колонны транспортных средств, въезжавших в некогда населенный пункт. Христолюбов в спешке кинулся к выходу, но Бобров схватил его сзади за гимнастерку.

– Не смей! – зашипел он. – Ополоумел, что ли? Они нас заметят! Надо тут схорониться...

Сказавши это, он поднял валявшуюся на полу дерюгу и полез с нею под кровать. За ним поспешил и Христолюбов. Солдаты затаились под кроватью, оба накрывшись с головой рогожей.

Одна из машин остановилась рядом с домом, а через мгновение по ступеням крыльца забарабанили каблуки тяжелых кирзовых сапог. В комнату вошло несколько человек. Они

не переговаривались, а молча стали передвигать мебель и ворошить сваленные на полу тряпки. Лучи от их карманных фонариков бегали по дому, обшаривая темные углы.

Христолюбов снова стал доставать из памяти слова той молитвы, что читал накануне, затаившись на дне своего окопа. Не успел он закончить первой фразы, как две пары кованых сапог приблизились к кровати, под которой прятались солдаты. Христолюбов зажмурил глаза и еще неистовей про себя завопил молитву. Он чувствовал, как они стали на колени и смотрят под кровать. Он ощущал сквозь дерюгу прикосновение их локтей, когда они оперлись ими на него и заглянули под самую стенку. Он слышал, как они схватили Боброва и тащат его к себе. Он не понимал, почему они до сих пор не вытащили из-под кровати его самого.

Вытащив Боброва, немцы перебросились парой коротких фраз, и один из них двинул русского солдата носком сапога в живот. Тот согнулся и его вырвало на пол зеленой огуречной массой. Второй немец схватил за шиворот согнутого пополам бедолагу и потащил его на улицу. Следом вышли остальные. Дом опустел.

Христолюбов лежал под кроватью накрытый дерюгой. Его била мельчайшая дрожь. Он ждал, что вот-вот они вернуться. Он не мог поверить, что они не заметили его. Опираясь на него руками, они наверняка должны были ощутить мягкость человеческого тела.

Но моторы, продолжавшие работать все время пока продолжались поиски, взревели с новой силой. Немцы уехали также внезапно, как и появились, а Христолюбов все не мог поверить в то, что произошло минуту назад. Нервная дрожь сменилась полным бессилием. Он пролежал на полу около часа, а может и больше, не в силах пошевелить ни единым членом своего организма. Сколько прошло времени, прежде чем движение вернулось к нему, Христолюбов сказать не мог. Но вместе с ощущением вернувшейся двигательной активности, пришло чувство невероятного изнеможения. Пытаясь встать, Христолюбов перевернулся на бок, но вместо того чтобы подняться, провалился в глубочайший сон.

Когда Никита вновь открыл глаза, комната была наполнена ярким солнечным светом. Было глубокое утро. Проклиная себя за навалившуюся внезапную усталость, Христолюбов выбрался из-под кровати, и бегло глянув через окно на улицу, выбежал из избы. «Вот же осто-лоп!» – на бегу думал он, «угораздило тебя заснуть в этом доме! Вот же олух! Ноги в руки надо было брать и мчаться отсюда, а он развалился как в пионерлагере!».

Бредя по лесу навстречу солнцу, Христолюбов часто останавливался, прислушивался, не раздастся ли где-нибудь звук рокочущего мотора, говор нерусской речи, выстрел или же просто шаги. Произшедший накануне в хуторе случай насторожил его. Шагать он старался осторожнее, если попадались открытые участки леса, то сначала ложился на живот и осматривал их.

Уже за полдень, Христолюбов увидел поляну, посреди которой возвышалась небольшая церквушка. Подождав, не появится ли кто-нибудь из нее, он осторожно подошел к церкви. Двери и окна в храме отсутствовали, на куполе во многих местах облупилась краска и он начал ржаветь. Однако внутри многое говорило о том, что обитель не оставлена до конца и кто-то за ней ухаживает. Пол был тщательно выметен, на стенах висели ветви березы с блеклой и сморщенной листвой, засохшие прутья вербы, а перед скорбными лицами Святых, изображенных на фресках, в щелях стен виднелись огарки тоненьких свечек. Под невысоким куполом, к перекладине, на которой раньше, очевидно, висело паникадило, был привязан огрызок веревки.

– Иерея Трифона на ней повесили, – внезапно раздалось за спиной Христолюбова.

От неожиданности он вздрогнул и повернулся на голос. Из боковушки подсобного помещения на него смотрел ветхозаветный седовласый старец. Голову его венчала черного цвета монашеская скуфья, темно-синий ватник без рукавов на груди прикрывала длинная белая борода.

– А старосту церковного – на царских воротах вздернули, – все тем же спокойным тоном продолжал старик.

В голове у Христолюбова роились хороводы сбивчивых мыслей. Он не знал, чего сначала попросить у старца поесть или напиться, и неожиданно для себя выдавил:

– А вы кто?

– Я тот, кто в тот момент прятался, а потом из петель их доставал и земле предал. Слаб духом оказался, когда за веру Христову жизнь надо было отдать. А когда жития первых Святых христианских читал, думал, что так же, как они безропотно смогу в клеть со зверьми алчущими войти. Да Господь меня гордыни этой в одночасье лишил, показал мне лицо мое истинное. Вот с двадцать третьего года блюду этот храм, как могу службы провожу.

– Для кого службы?

– Для храма сего, не положено, чтоб храм без службы пустовал. Его хоть слуги дьяволы и осквернили, и народ сюда дорогу позабыл, а я все ж тружусь. Надеюсь, грешный, что зачтет мне старания мои Господь. Люди и не знают никто, что я здесь подвизался. Дом-то батюшкин растащили весь, все, что на дворе было тоже. Землянку я вырыл здесь неподалеку, молюсь Господу Богу там, за люд наш богоотступнический, да за все православное христианство.

– А не боишься дедушка, что я расскажу всем про тебя? – не переставал удивляться Христолюбов и поэтому сыпавший все более нелепыми вопросами.

– Ты думаешь, раб Божий, что раз перед тобой старец седой так и ума мирского в его пустой голове не осталось. Кому ж ты расскажешь, как ты сейчас сам любого куста боишься. И рассказать тебе в ближайшее время будет некому: во всей округе ни одного партийного не осталось.

– А ты откуда про партийных знаешь?

– Ты, отрок, считаешь, раз в глуши живу, так и не ведаю ничего. Звери лесные с птицами-голубицами на хвостах мне новости сносят. И про тебя, милый, от них слыхал, сижу вот, поджидаю. А в келье у меня все уж готово: чай заварен из ягод лесных, картошка наварена, хлеб на водичке испекен. Ступай за мной, отрок.

Они вышли из храма, и старик повел его по еле заметной тропе, иногда исчезающей среди кустов папоротника. Часто старец с несвойственным ему проворством нырял под сваленные и зависшие в воздухе стволы деревьев, так что Христолюбов едва поспевал за ним. Наконец они пришли к неприметной среди лесной чащи полуземлянке, крытой еловым лапником. Зайдя внутрь, Христолюбов без приглашения набросился на пресный несоленый картофель и постный хлеб. Глядя, как жадно Христолюбов проглатывает непрожеванную пищу, старец с сожалением, молвил:

– Укрепись, раб Божий, телесно, укрепись. А уж после я тебя духовно укреплю. Видишь, и сам ты теперь убедился, что молитва к Господу направленная, чудеса творит.

Христолюбов замер с набитым ртом и уставился на старца.

– Чего, смотришь? – продолжал тот. – Удивлен, что знаю все о тебе? Так в том нету большой премудрости. На лице твоём страх отпечатался, знать побывал ты меж Сциллой и Харибдой. А раз побывал и живым выбрался, то молитва тебе помогла, не иначе.

Христолюбов, выронив надкушенную картофелину, разразился громким рыданием. Старец подошел к нему, опустил свою ладонь на стриженую макушку парня и принялся утешать его:

– Не тревожься пережитым, раб Божий, не тревожься. Знать в ином предзнаменование твое. Не дал Бог тебе львиного сердца, не наделил умением воинским. Хочет Господь, чтоб молился ты усердно.

– Я не знаю, как молиться, дедушка... – сквозь всхлипы выдавил Христолюбов.

– Научу тебя, не тревожься. Будем вместе просить Господа, чтоб даровал победу оружию русскому.

– Победу? – поднял лицо от ладоней Христолюбов. – Этим? Которые на смерть батальон мой послали и церковь твою осквернили?

– Нет, не этим, – спокойно ответил старец, – эти временные, придут и уйдут. А тем, что детей своих от врага защищают, жен, стариков. Мать твою тоже они защищают. Неужто их молитвой не поддержишь?

Христолюбов закусил нижнюю губу и о чем-то глубоко задумался. В мозгу все перемешалось. Слишком весомым было мнение окружающих его долгие годы людей, говоривших совсем не так, как говорит этот старик.

– А будет она, победа-то?

– Не может не случиться! – заверил сомневающегося юношу старец. – Никогда русские не допускали над собой такого безобразия, чтоб супостат нами помыкал. Бывало, что и нам сусала чистили, однако ж, всегда мы верх брали, если дело нашей земли касалось. Будет победа, но прежде, много народу, подобно тебе, к Господу повернется. Поймут миряне, что не властны над судьбами своими. Спыхватится и самый главный их, усатый, что в белокаменной властвует. Призовет вновь патриарха на Русь православную, к Матронушке Московской за советом будет ходить. Будут отцы святые оружие русское перед битвой решающей крещенской водой кропить, а воинство православное Божьим словом благословлять.

– Откуда ж тебе известно это, дедушка, – спросил Христолюбов.

– Звери лесные, да птицы-голубицы на хвостах принесли, – слегка улыбаясь, добродушно ответил старец.

Март – апрель 2010

Неглубокий тыл

Не торопясь упасть за поросший вековыми елями склон горы, июньское солнце протяжно спускалось к земле так, словно спортсмен, сделав затяжной прыжок с вышки, на секунду повисает в воздухе, самозабвенно предоставив зрителям любоваться своей грацией. Прячась в отрогах Восточных Карпат, тянувшихся от Угорской Руси через всю Северную Буковину и Галицию вплоть до границ с Подолией и Волынью, солнце с сочувствием и жалостью бросало свои теплые лучи на землю этих Украинских провинций. Край, где на одно людское поколение пришлось столько смен власти, что население поневоле пропиталось враждебностью и недоверием к представителям какой бы то ни было государственности.

Еще каких-нибудь три десятилетия назад, здесь были окраинные земли многонациональной Австро-Венгрии, затем вместе с пожаром Мировой войны пришли русские, называвшие здешнее население – братья-славяне. Затем чехарда режимов, властей, оккупационных контингентов и государств, устанавливающих свои пограничные столбы, сменялась, чуть ли не каждый год. Самораспустившаяся в конце 1917 года российская армия предоставила кровотокащей империи Габсбургов, которая сама уже дышала на ладан, полную свободу действий, а с «благословения» марионеточной Украинской Рады регион оккупировали германские и австро-венгерские войска. Затем националист Петлюра и гайдамаки, Махно и многочисленные банды «ангелов» и «архангелов», красные партизанские отряды и повстанцы, поднявшая голову Румыния заодно с Бессарабией прихватившая и Северную Буковину, заново «рожденная» благодаря Антанте Польша, заявившая о восстановлении границ 1772 года – все это проносилось перед глазами местного населения, словно картинки в калейдоскопе. В итоге, после свершившегося «Чуда на Висле», Пилсудский и Советская Россия поделили этот край между собой.

Девятнадцать лет затишья, обернулись новым историческим зигзагом, еще более жестоким и беспощадным. После того, как Гитлер в сентябре тридцать девятого года благополучно расплющил отряды польской конницы гусеницами своих танков и уперся в Брест, произошло почти бескровное присоединение Галиции, а так же добровольная передача Румынией Северной Буковины в пользу СССР в июне 1940 года.

Новый виток национализма под руководством Степана Бандеры вспыхнул здесь с началом Отечественной войны. Восторженно встречая немцев у порогов своих домов и протягивая им караваи на вышитых рушниках, искренне ли верили украинские крестьяне в то, что оккупанты подарят им независимость? Вскоре участники Украинской Повстанческой Армии ушли в леса, и лишь формально объявили войну фашистскому оккупационному режиму. В реальности, бандеровцы взяли за оружие лишь только, когда линия фронта вновь докатилась до этих мест, и повернули это самое оружие против советских войск. На деле же с тыловыми частями и карательными отрядами третьего рейха боролись успевшие появиться здесь за два года советской власти коммунисты и окруженцы из разбитых приграничных гарнизонов, организовавшие партизанские отряды. Национализм и призрачная надежда на независимость не могли не поселиться в этих местах. Слишком часто здесь менялась власть и каждая последующая старалась навести свои порядки.

Сейчас заревом прячущегося за отроги Карпат солнца любовался восемнадцатилетний юноша, лишь три месяца назад мобилизованный в советскую армию. Пройдя короткую стодесятичасовую программу подготовки и ознакомившись с владением основными видами стрелкового оружия, он был направлен в интендантскую роту. Сидя на подножке полевой кухни, юноша взирал на могучие стволы елей, на их густые ветви и представлял, сколько могли видеть эти старые деревья. А те, в свою очередь, кивали своими макушками под дуновением тихого

ветра, словно соглашаясь: «Да, мы многое видели, ... не одна человеческая память не вместит все то, что запечатлели наши глаза...».

– Гришка! – окликнул парня ведущий в поводу старенькую кобылу рыжеусый старшина. – Слезь на землю, набери валежника. Вишь пока тихо идем, на подъемчик.

Солдат спрыгнул с облучка и полез в гущу свисавших к самой земле ветвей. Ствол перекинутого через плечо карабина зацепился за торчащий высохший сук с осыпавшейся хвоей. Сняв оружие, Гриша хотел положить его на подножку полевой кухни, но старшина, заметив его движение, строго проговорил:

– Не убирай! Фронт только сутки как по этим местам прокатился, могут недобитки к своим пробиваться, вылезет из-за куста, а у тебя и пушки нет под рукой.

Гриша вновь продел голову и правую руку в винтовочный ремень, и усмехнувшись, сказал:

– И все-то ты знаешь, Маркелыч!

– А ты как думаешь? Повоюй с мое, – со знанием дела ответил старшина и, поправив новенькую «Славу» третьей степени на черно-оранжевой колодке, продолжил:

– До тебя вот был полудурок с Вологодчины, ну, совсем бестолковый, ты-то еще ничего, соображаешь, а тот, ну, совсем глупой. Через то и в госпиталь угодил. А я вот и цел при налете остался, да в придачу, под огнем борщ на передовую доставил. Вот мне комбат орден и выхлопотал. Ты, говорит, старшина, уж давно ордена достоин, и потому, говорит, памятуя старые твои заслуги – получай награду! Да, так с его рук «Слава» на мою грудь и угодила.

– Завидую тебе, Маркелыч, по добром, – подбежав с охапкой веток, произнес Гриша, – мне в этом плане не повезет, как тебе. Какое геройство при кухне? Война скорей кончится, чем медальку заработаешь.

– Эт точно. Я вот с августа сорок второго воюю. За малым полтора месяца не хватает до двух лет. Так что пока тебе парень время придет орден вручать, уж дома на печи лежать будешь. Попомни мое слово: к Новому году в Берлине будем. Гляди, каким темпом рванули. До осени всю Европу этаким аллюром проскочим.

– Не загадывай, Маркелыч.

– А ты не глазь под руку.

Поднявшись на пригорок, старшина остановил лошадь, и, пока Гриша ломал и подкладывал в топку сухой валежник, осмотрелся и сверился с картой. Солнце почти полностью скрылось за горизонтом, а до подразделения, которое стремилась нагнать их полевая кухня, оставалось еще достаточно много.

– Вот куркуль проклятый! – принялся ругать старшина зампотыла, который полгода не отвечал на просьбы старшины заменить ему тягловую силу полевой кухни. – «Чтоб к вечеру был на линии!» – передразнивал Маркелыч зампотыла. – А как я туда доеду – не его дело. По прямой бы может еще и догнал бы, а с этими буераками – навряд. Хоть на горбьяку ее себе сажай, худобину проклятую! – раздражаясь, крикнул старшина, шлепнув кобылу по тощему крупу.

Гриша любил наблюдать за сердящимся Маркелычем и всячески этому способствовал. Это и было его единственной отдушиной в повседневной солдатской рутине.

– Гляди, усатый, довозишься, снимут тебе просвет с погона, вернешься в сержанты, да еще и орден отберут.

– Ты хоть молчи, соплиголовый! И без тебя муторно...

В котле попухивала доваривающаяся каша, которую, залезая на подножку, Гриша изредка помешивал деревянной лопатой. Кусая рыжий с проседью ус, старшина вращал в своей голове ворох мыслей, одна другой несбыточней и противоречивей. Заметив на противоположном склоне соседнего холма рубленую избушку с хозяйственными постройками вокруг и зеленым «Виллисом» у порога, он указал на нее.

– Видишь домик, Гришка? Небось, единоличный крестьянин живет, али лесничий. И машина, кажись, наша у порога стоит. Может штаб какой? Давай подъедем, узнаем, как и чего. Отдых кобыле нашей требуется, да и ночь уж на носу. Впотьмах заплутаем с тобой. Опять же в одиночку боязно в лесу ночевать, а на хуторе – наши, уже ж мы не сами получаемся. С утра встанем до свету и своих нагоним. Я так кумекаю. А?

– Все ты, Маркелыч, «скоротаем, скоротаем», – не упустил случая подначить старшину Гриша, – говорил я тебе: поедим по основному тракту, где все войска к фронту тянутся. Так нет же, угораздило тебя срезать десяток километров.

– Да я и сам Гришка не ожидал! – оправдывался старшина. – Тут на карте все так рядом! Я если б знал, что такие косогоры пойдут – ни в жизнь бы не согласился с большака сворачивать!

– Ладно, мне то что, ты начальник, ты и командуй.

– Да, не свернули б с тракта, не печалились бы, где на ночь остановиться. Там колонны сплошняком тянутся. А тут за все время один мотоциклист обогнал и все.

Последний подъем, кобыла брала явно из последних сил. Напрягая все жилы она низко клонилась к земле, роняя на нее с губ клочья пены. Въехав на подворье хутора, старшина велел Грише распрячь лошадь, а сам, потопав ногами у крыльца, обивая с сапог дорожную пыль, вошел в дом.

Справившись с заданием Маркелыча, Гриша закурил и огляделся. Дом, у которого остановилась их полевая кухня, был добротный и, судя по черным стенам и замшелому каменному фундаменту – старый. Двор вокруг дома устилала пожухлая светло-зеленая трава, а дорожки, ведущие к хозяйственным постройкам – вымощены мелким и средним щебнем и осколками глиняной посуды. Рядом с порогом стоял новенький, но забрызганный грязью, американский «Виллис». Подворье раскинулось на неширокой поляне, по всему периметру обнесенной изгородью из столбов и двух поперечных баясин. Сразу за изгородью начинался подступавший вплотную лес. В одном краю поляны Гриша заметил шесть березовых крестов с прибитыми к ним овальными табличками. Посреди поляны стоял советский Т-60. Накренив свою мелкокалиберную пушку к земле, он уныло ржавел, по края гусениц заросший травой. Гриша пытался рассмотреть номер на его башне, но краску скрывал толстый слой копоти и сажи.

Вскоре из дома появился старшина. Торопливо подойдя к Грише, он в полголоса забубнил ему:

– Ох, Гришка, и вляпались мы с тобой! Помнишь того мотоциклиста, что нас обгонял? Он тут оказывается, мотоцикл, наверное, за дом укатил. Старлей из СМЕРШа! Приехал к хозяину насчет бандеровцев допрос учинять. Я только на порог, а он сразу: доклад по форме, да зачем здесь, да куда направляешься? Меня ажник в пот кинуло. Сказал, чтоб погулял я, а потом к нему опять на беседу.

– А на машине кто?

– Я так понял – корреспонденты. Один важный, капитан, видать из самой столицы. Не спроста ж ему в штабе дивизии машину выделили с шофером, да в нагрузку еще какого-то штабиста сунули, фронтową газету на передовую везет. Из разговора ихнего понял. Сам с особистом толкую, а сам на ус мотаю, чего они там совещаются.

– От того-то у тебя, Маркелыч, и усы такие знатные, что ты привык на них все в подряд наматывать.

– Опять за старое, Гришка? Учти, я своего сына до самой армии порол! Дождешься у меня! Тихо... идут.

На крыльцо вышли один за другим старлей из СМЕРШа; полноватый капитан; ответственный за распространение фронтовой газеты штабист с пустыми погонями и шофер в звании ефрейтора. Позади них торопливо и суетясь, шаркал ногами полуседой старик, видимо хозяин дома. При появлении офицеров Гриша со старшиной оправили форму и вытянулись. Глаз у Маркелыча на людей действительно был наметан. Несмотря на молодость в особи-

сте читалась уверенность в себе. Она была и в квадратных, словно вырубленных из камня, скулах, в строгих, стального цвета глазах, крутой, окантованной шее. Капитан, если уж был и не из самой Москвы, но явно из далекого тылового города, где водился дорогой одеколон (которым от него несло за версту), сытая жизнь (такую фигуру, как у капитана на фронтовом пайке не выдержишь), и свежая, вчера вынутая из чемодана, отглаженная форма. У штабиста, везшего тираж газеты на фронт, были маленькие стреляющие глазки и густые черные брови, сросшиеся на переносице. Ногти и кончики его пальцев отливали синевой от пропитавших их чернил. Шофер обладал открытым веснушчатым лицом и, наверное, был одного возраста с Гришей.

– Ну, расскажи-ка мне, старшина, – доставая из кармана голубых галифе портсигар, поинтересовался особист, – как тебя угораздило от дороги отбиться?

– Да я и не сбивался, товарищ старший лейтенант. Я по карте глянул, думаю, зачем лишний крюк через тракт давать, дай, думаю, срежу.

– Во-во, и мой шофер то же говорит, – вступил в разговор капитан.

– Что ж, интендантская душа, – не обратив внимания на реплику капитана, продолжил особист, – раз так звезды сложились, что мы здесь все собрались, накорми кашей своей что ли, с утра не ел ничего. Твоя рота с пары мисок не обеднеет. Да вон и корреспонденция видно тоже изголодалась. Как вы думаете, товарищ капитан?

– А что, я с удовольствием бы подкрепился, – оживился румяный капитан.

– Хозяин! – позвал старлей. – Тащи стол на улицу, на свежем воздухе пища лучше усваивается. Ефрейтор! И ты солдат, – посмотрел особист на Гришу, – помогите ему.

Украинец, явно заискивая перед особистом, торопливо зашаркал к дому. Зайдя в помещение, Гриша обнаружил сидящую у стола молодую девушку, в тревоге бередящую пальцами край своего передника и печально уставившуюся в одну точку. Переброшенная через плечо черная коса ее, толщенной в руку, опускалась к поясу. На секунду очарованный красотой и скорбным видом молодой девушки Гриша споткнулся о прошмыгнувшую под ногами кошку, и тихо выругался. Пока шофер и Гриша выносили стол и лавки на улицу, старшина набрал в колодце воды, сполоснул половник и два имеющихся в наличии котелка, надел белый фартук и колпак тем самым, приготовившись к раздаче. Хозяин вынес еще несколько глиняных мисок из дома с хлебом, солью, огурцами и две пустых – для особиста и корреспондента. Все было готово к раздаче, и старшина уже взялся за крышку котла, чтобы, открыв его, выпустив клуб ароматного пара, но особист остановил Маркелыча.

– погоди, старшина, видно еще гости к нашему огоньку торопятся.

На противоположном склоне показался приближающийся «Студебеккер». Из-за кромки незатянутого в брезент кузова торчали две головы в солдатских пилотках. Затормозив у ворот хутора, водитель выключил двигатель грузовика и, в ту же секунду, с пассажирской стороны выпрыгнул коренастый сержант, и коротко бросив тем, что сидели в кузове какую-то фразу, направился к офицерам. Подойдя на положенную дистанцию, сержант приложил руку к пилотке и доложил:

– Сержант Высоцкий! Разрешите обратиться, товарищ капитан?

– Да чего ты по-уставному, сержант, вроде не в строю, – мягко ответил военный корреспондент. Ему не терпелось приступить к ужину, а запах ароматного разварившегося пшена с салом, долетающий из котла, все сильнее способствовал выделению его слюны.

– Нам бы водицы набрать, а то на подъемах мотор перегревается. Мы уж и из фляжек всю воду в радиатор вылил, да скоро и эта выкипит.

– Кто такие? – коротко бросил особист.

– Трофейная команда, товарищ старший лейтенант, барахло по тылам собираем.

– Оружие, по-твоему, барахлом теперь называется?! – внезапно разъярившись, выкрикнул особист.

– Да там не только оружие, товарищ старший...

– А оружия сколько? Ведомость ведешь?

– Да нет, товарищ...

– Фамилия командира твоего, быстро! Кто тебя на задание такого отправил? Почему в машине только два бойца сопровождения? Твой командир что, не в курсе, что по округе бандеровцы орудуют? Хороший подарочек! Целый «Студебеккер» с оружием! До утра останетесь здесь. А утром вместе отправимся к вашему командиру, – и уже более спокойным голосом старлей добавил:

– Старшина! Обеспечь трофейщиков кашей.

Напряжение, вызванное тирадой особиста в адрес Высоцкого и его командира, еще долго стояло за столом. Люди молча двигали челюстями, пережевывая пищу. Разложив кашу по мискам и котелкам, повара присоединились к общему ужину. На краю лавочки осторожно примостился хозяин дома. От каши он отказался и теперь неотрывно смотрел на старлея из СМЕРШа, понимая, что у того еще возникнет не один вопрос к нему.

– Мы, пожалуй, у тебя останемся, – почувствовав на себе взгляд украинца, сказал особист, – место в сарае найдется?

– Місце всім вистачить, – зачастил старик, – панам офіцерам можна постелити у будинку.

– Нет, я в доме не лягу, – потянувшись, ответил особист. – На улице благодать: тепло, свежо, насекомых – полное отсутствие.

– А я не буду отказывать хозяину в гостеприимстве, – поспешил исправить ошибку старлея корреспондент из газеты.

– Как угодно, товарищ капитан, как вам будет удобней, так и поступайте. Да, кстати, помнится мне, что вы жаловались на дефицит материала. Хотите, я придумаю вам статейку, не сходя с этой лавки?

– Вы? А что у вас есть определенный опыт в этой сфере деятельности?

– Опыт в корреспонденции у меня нулевой, но как говорил мой покойный дедушка: «Не боги горшки обжигают». Я в жизни руководствуюсь тем же принципом.

– Что ж, тогда сделайте такое одолжение.

– А статья у нас с вами, товарищ капитан, будет о событиях происшедших на этом самом месте, ровно три года назад.

– Очень интересно, – проявлял корреспондент неподдельный интерес.

– Так вот. Представьте себе: 1941 год, первые дни войны, полчища фашистов взломали нашу оборону на границе и движутся в глубь страны. Глухой хуторок в предгорьях Карпат, наподобие этого. Как-то утром во двор въезжает несколько грузовиков с немцами. Хозяин – вне себя от счастья. Накрывает им шикарный стол, несет сливовое вино десятилетней выдержки, потчует. Все рады, веселятся. Шутки, смех, улыбки. Но тут из леса внезапно выныривает русский танк. Маленький, но очень злой. Он принимается разгонять всю эту богадельню стрельбою из своего пулемета, и еще долго гоняется за фашистами, давя их гусеницами, пока, в конце концов, его не забрасывают гранатами. Потом раненных немцев кладут в уцелевшие машины и увозят на лечение, а погибших с почестями зарывают на краю полянки, ставят им березовые крестики, а русского героя-танкиста обливают бензином и поджигают его растерзанное, полубуглившееся тело. Затем уходят и те, которым повезло остаться нетронутыми. А хозяин дома спокойно следит за тем, как догорает и рассыпается в прах труп советского танкиста. Но мало того, он еще все эти три года прилежно ухаживает за могилами фашистов, убирает их, цветы приносит.

Выждав паузу, особист плавно повернулся от капитана к украинцу. При монологе старлея глаза у пожилого гуцула с каждой секундой расширялись, и в них наряду с удивлением читалось отрицание. Все сидящие за столом уже покончили с ужином, но никто не решался встать и уйти, боясь этим привлечь внимание особиста.

– Правильно я рассказываю? – испытывающее глядя в расширенные зрачки старика, тихо произнес особист.

– Не так, не так, пан офіцер! З танком все чиста правда, але квітки не носив. Бог свідок!

– Не божишься, хозяин, ни к чему. Я вон отсюда вижу, что на могилах цветы.

– То не я, то дружина синова, невістка моя...

– Зови сюда.

– Збожеволіла вона, пан офіцер. Як чоловіка поховала, так в себе і не прийшла.

– А муж где? Где сын твой? Небошь, в «Галичину» подался, а? Да и сгинул на чужбине, середь бескрайних русских полей!

Особист явно вошел в раж.

– Шо ти, пан офіцер, на полюванні він застиг.

– На охоте? От чего ж не на рыбалке? Зови сноху сюда!

– Тут я, пан офіцер.

Девушка стояла на крыльце, держась за резные перила.

– Зачем цветы на могилу таскала? – моментально переключившись на нее, рявкнул особист.

Прежде чем ответить, она плавно спустилась по ступеням вниз, мелкими шажками проплыла от крыльца к столу и остановилась в нескольких шагах от старлея.

– Думало, може там, хто про могилу мого Горана поклопочеться...

При этих словах старик тихо и коротко вздохнул, тем особым вздохом, после которого становится ясно: что-то было сказано, чего не должны слышать остальные.

– Картина проясняется, – мягко молвил особист. – Горан в «Галичине» служил?

Девушка, закусив нижнюю губу, мгновение смотрела себе под ноги, а затем, резко развернувшись, стремительно бросилась в сторону леса. Старлей вскочил из-за стола, закричав ей вдогонку:

– Стой сучка малохольная!

Естественно украинка не остановилась, а побежала с прежней прытью. Быстро нагоняя ее, особист готов был вцепиться в мотающуюся из стороны в сторону черную косу, но, ловко увернувшись, девушка избежала рук особиста. В несколько прыжков снова настигнув свою жертву, особист уже не сомневался, что сейчас схватит ее, однако, юркая словно мышь, украинка вновь ускользнула от преследователя.

Старик, обхватив голову руками, в безнадеге, уронил ее на крышку стола и зажмурил глаза. Все остальные, не отрываясь смотрели на разворачивающуюся картину с тревогой ожидая, чем же закончится эта погоня.

Добежав до кромки леса и нырнув между жердями ограды, девушка скрылась за еловыми ветвями. Следом за ней в чащу бросился и особист. Через несколько секунд из зарослей донесся пронзительный женский крик, а вслед за ним – на всю округу прогремел выстрел. В то же мгновение, сидевшие за столом, разом вскочили с мест. Вслед за этим раздались еще несколько выстрелов, частых, но не таких громких. Ответом для этих выстрелов прозвучала целая автоматная очередь. Военные стоявшие по обе стороны от стола в испуге переглянулись, каждый по-своему домысливая развернувшуюся за деревьями картину. На поляну вновь выбежал особист. Перекинув через плечо тело девушки, он бежал к дому. Направленная в сторону леса рука с зажатым в ней табельным ТТ, часто жала на спусковой крючок.

– Хватай оружие, ребята!.. – первым выйдя из ступора, крикнул сержант Высоцкий.

На ходу срывая с плеч автоматы и ставя их на боевой взвод, люди бросились в рассыпную от стола в поисках какого-нибудь укрытия. Капитан несколько секунд стоял на месте, колеблясь в какую сторону ему рвануть, и, наконец, решив для себя что-то, резким движением перевернул стол. Достав из кобуры пистолет, он распластался позади опрокинутого стола. Все же остальные укрылись за стоявшей ближе всего к месту ужина полевой кухней. Те, кто стреляли

в особиста и девушку, явно решали: продолжать ли им начатую перестрелку или нет? Этим мгновением хватило, чтобы солдаты ушли в относительно безопасное место, но этого времени не хватило старлею. Выбив обойму во врага и спрятав пистолет, он стремительно неся через поляну к дому, обеими руками придерживая на плече тело украинки. Ее долгая коса путалась у него между ног и затрудняла движение. Новая автоматная очередь, пущенная из леса, заставила особиста упасть на землю. Было не понятно: ранен ли он или просто укрывается от пуль. Выглядывая из-за колеса полевой кухни, Гриша видел, как старлей изменил направление. Теперь он свернул к вросшему в землю танку. До него было явно ближе, чем до дома, и мысленно Гриша одобрил решение особиста. Руками сжимая запястья девушки и, упираясь каблуками сапог в землю, он, передвигался на спине, каждый раз подтаскивая ее за собой. Таким образом, достигнув укрытия, особист отпустил руки украинки и, сложив ладони рупором, прокричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.